

Георгий Чулков

Кинжал

Георгий Чулков

Кинжал

«Public Domain»

1925

Чулков Г. И.

Кинжал / Г. И. Чулков — «Public Domain», 1925

«Воистину не могу понять, каким чудом удалось мне тогда спастись. Мы бежали по Галерной, и картечь нещадно косила всех. Я уже не чаял унести целой мою голову, как вдруг заметил, что подбегаю к знакомому двухэтажному серенькому дому, где жила Клеопатра Семеновна...»

Содержание

I	8
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Георгий Иванович Чулков

Кинжал

Посвящается Л. М. Лебедевой.

*Свободы тайный страх, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды...*

Пушкин.

Воистину не могу понять, каким чудом удалось мне тогда спастись. Мы бежали по Галерной, и картечь нещадно косила всех. Я уже не чаял унести целой мою голову, как вдруг заметил, что подбегаю к знакомому двухэтажному серенькому дому, где жила Клеопатра Семеновна, моя тетушка. Поровнявшись с крыльцом, я судорожно стал дергать за ручку звонка, невольно прижимаясь к стене. Дверь распахнулась как раз в то мгновение, когда набежавший сзади солдат, нелепо взмахнув руками, грохнулся наземь около меня.

– Барин! Голубчик! Как это вас господь спас! – крикнула Паша, когда я ворвался в переднюю, едва не сбив ее с ног.

Тетушка лежала в гостиной на диване, прижимая к глазам платочек. Фиделька металась по комнате с визгом и лаем.

Услышав мои шаги, тетушка привстала с дивана, но мой вид привел ее в неопиcуемый ужас. Она слегка вскрикнула и упала в обморок. Мы с Пашей долго приводили ее в чувство.

Наконец, наступила тишина. Паша зажгла свечи, и мы с тетушкой сели за ужин. Ужасные события там, на Сенатской площади, и моя роковая встреча с князем Гудаловым, – все это было так странно и так страшно... У меня хватило мужества не открыть моей тайны Клеопатре Семеновне. Я понимал, какая опасность мне угрожает, и с нетерпением ожидал окончания нашего ужина. Признаюсь, у меня не было никакого аппетита, и я с трудом жевал вафли с вареньем, которыми меня потчевала тетушка. Мне все мерещилось опрокинутое бледное лицо князя и его испуганные глаза, устремленные на меня. Надо было спешить к Герману. Я был уверен, что он поможет мне в моей беде.

Простившись с тетушкой, я вышел на Галерную. Не успел я сделать и десяти шагов, как меня остановил пикет павловцев. Я прижался к фонарному столбу, чтобы свет не падал мне в лицо. Ко мне подошел офицер, очевидно, успевший подкрепиться чем-нибудь хмельным: от него распространился запах спирта.

– Вы, сударь, кто такой? Откуда итти изволите? – спросил он.

– От тетушки, – сказал я, решившись притвориться дурачком.

– Что такое? Какая тетушка? Что за вздор...

– Вовсе не вздор, господин офицер. Она меня вафлями с вареньем угощала...

В это время привели трех лейб-гренадер, одного матроса гвардейского экипажа и одного москвича.

Офицер обернулся к арестованным, махнув на меня рукою. Я поспешил нырнуть в ночной сумрак. Когда я добежал до Исаакиевской площади, передо мною открылось зрелище, не совсем обыкновенное. То там, то здесь горели костры, около которых грелись солдаты. В дыму поблескивали жерла пушек. При орудиях курились фитили. Какие-то люди торопливо убирали площадь, засыпая снегом лужи крови. Иные тащили трупы и складывали их на дровни. Лошади пугливо храпели и фыркали.

Стараясь держаться в тени, я миновал площадь и пошел на Морскую, где жил Герман. Он встретил меня братскими объятиями. Я рассказал ему откровенно все, как было. Растроганный, он заплакал. Потом, сообразив, как опасно мое настоящее положение, он вдруг заволновался:

– Но, мой милый, ведь тебя арестуют непременно. Ведь ты постоянно бывал у Синего Моста. Ты со всеми был знаком...

– Да, Герман.

– Но, мой милый, ведь тебя надо спасти...

– Да, Герман.

– Но как же я тебя спасу, мой милый...

Я молчал и Герман тоже. Наконец, он пробормотал, нахмутив брови:

– У меня есть план. Слушай. Завтра утром уезжает в дилижансе в Москву к моему брату учитель. Я этому учителю дам отступного, а поедешь вместо него ты. Я напишу брату, и он тебя спрячет у себя в деревне до весны. Это, мой милый, такой медвежий угол, что тебя там никто не достанет. А весной приезжай ко мне, и я мигом отправлю тебя за границу... На каком-нибудь торговом корабле... Я это устрою, мой милый...

Герман меня обнял.

Все удалось, как нельзя лучше. Правда, по дороге в Москву у меня началась лихорадка, и я, кажется, в бреду говорил бог знает что, но, слава богу, мои случайные спутники по дилижансу оказались людьми порядочными и не повели меня в жандармерию. В Москве я не медля явился к моему будущему благодетелю с письмом Германа, и в тот же день выехал в деревню. Там я прожил безмятежно ровно полгода и не без сожаления покинул этот тишайший уголок в середине мая. К этому сроку Герман приготовил для меня паспорт и сговорился с капитаном Карлом Шмидтом, чей двухмачтовый корабль «Диана» должен был доставить меня из Кронштадта в Травемюнде в десять дней, как уверял сам хозяин этого судна. К немалому горю моему, я лишен был возможности проститься с добрыми моими родителями и милой несчастной Машей. Ровно в полдень был я на Берстовской пароходной пристани, где и сел в катер, который должен был доставить меня в Кронштадт. На мою беду катер задержался в пути на два часа. Нет охоты рассказывать, почему и как это случилось. Одним словом, причалив в Кронштадте к Купеческой гавани, мы тщетно кричали: «Где тут капитан Карл Шмидт? Где тут корабль „Диана“?» – С гранитных стен пристани какие-то люди равнодушно внимали нашим воплям. Наконец, нашелся матрос из Любека, который объяснил нам, что капитан Шмидт, прождав нас лишних два часа, воспользовался попутным ветром, снялся с якоря, да и был таков. Можете себе представить мою досаду и смущение.

Не зная, что предпринять, зашел я в английскую таверну, спросил себе портеру и сел у окна, откуда видны были пристань и морг. За ближайшим столиком сидели матросы и разговор их меня заинтересовал. Старик-матрос уверял своих собутыльников, что ветер часа через два непременно стихнет и парусники отойдут за рейд не более, как на один-два узла. У меня явилась надежда, которая в самом деле оправдалась.

Капитан «Дианы», став поневоле на якорь, послал за мною катер, и часа через два я уже взбирался по веревочной лестнице на корабельную палубу. Наш корабль не внушал к себе большого доверия. Снасти и перегородки скрипели зловеще. Экипаж состоял из капитана, рулевого и трех матросов. Пассажиров было четверо, и я в том числе. Мы помещались в одной каюте, где было четыре койки. Мои товарищи по путешествию, оказавшиеся купцами-немцами, тотчас же легли в койки, отказываясь от пищи, в предчувствии морской болезни. Мы пообедали вдвоем с капитаном, подкрепив себя, по его совету, английской горькой.

Я не стану рассказывать о том, как мы две недели носились по морю, изнемогая в борьбе со стихией, пока не вошли с величайшим трудом в гавань Травемюнде; я не стану также повествовать о моем путешествии по Европе, о том, как я переплыл Ла-Манш и попал в Лондон, где легко нашел Николая Ивановича Тургенева, коему и вручил письмо от Германа. Теперь, благодаря великодушию сего просвещенного соотечественника и брата нашего по ложе, я получил здесь заработок и счастлив, что нахожусь под защитой британских законов: никакое деспотство мне теперь не страшно. Однако нередко я тоскую по родине. И вот я решил записать мои

воспоминания. Хотя я неискусен в слоге, но правдивые мемории всегда – полагаю – представляют интерес для потомства.

I

Мне было десять лет, когда батюшка вернулся из походов. В качестве штаб-лекаря прошел он с конной гвардией всю Европу, побывал в Париже, видел там много занятого и привез оттуда шелковые жилеты, подзорную трубку и новейшие издания Фернейского мудреца. Во время этих походов, в сражении под Лейпцигом, был тяжело ранен один из наших конногвардейцев, блестящий и богатейший молодой человек, князь Сергей Матвеевич Гудалов. Санитары подобрали его на поле сражения и принесли к батюшке в лазарет. Вот этого князя Гудалова спас мой отец от верной смерти. Всегда внимательный к раненым, на сей раз он проявил особливую заботливость. Почему-то полюбился ему молодой князь, и батюшка ходил за ним, как мать за младенцем. Не предвидел тогда мой отец, какое значение будет иметь в нашей жизни этот офицер. Однако не буду предупреждать событий.

Итак, батюшка, вернувшись в Санкт-Петербург, поселился в Измайловском полку и зажил небогато, но мирно и благополучно. Матушка моя, Евдокия Петровна, была женщина кроткого нрава, во всем с мужем согласная. Она решалась робко ему прекословить лишь в тех редких случаях, когда батюшка, выпив пуншу, вдруг, бывало, начнет вольнодумствовать. Должен признаться, что, подрастая, при таких спорах был я обычно на стороне отца, а сестра Машенька всегда сочувствовала матушке. Впрочем, при родителях мы оба помалкивали, робея. Машенька была на год старше меня. Надобно сказать, что мои родители были столбовые дворяне, хотя наши деды уже давно утратили свои поместья. Крепостных у нас не было. Единственная служанка, Елисавета, работала у нас по вольному найму. Само собою разумеется, что родители мои не могли поддерживать знакомств в высшем круге, но, как теперь я понимаю, на беду нашу батюшка с матушкой бывали иногда у графа Милорадовича, который приходился матушке двоюродным дядей. Обыкновенно нас, детей, возили к нему на елку в сочельник. Так, в злополучный 1817 год повезли нас на эту неприятную елку, одев меня Гаруналь-Рашидом, а сестрицу Машеньку Зетюльбою, которую в тот год танцевала на Большой сцене Истомина в балете «Калиф Багдадский» господина Дидло.

Как сейчас помню этот вечер. Хотя я был тогда подростком, однако я прекрасно понимал, что матушка смущена своим небогатым туалетом и чувствует себя худо в блестящем обществе. Я тоже дичился и жался в угол. Но батюшка, не стесняясь, разгуливал по залам. Поймав хозяйина, он сказал ему, добродушно смеясь:

– А видал ли ты, граф, как танцует моя бесприданница? Она за пояс заткнет всех ваших танцовщиц. Я возил мое семейство в Большой театр, и моя Машенька изображает теперь Зетюльбу получше Истоминой.

– Ишь расхвастался, лекарь, – сказал Милорадович, считавший себя лучшим на Руси знатоком балета. – Ну, что ж! Покажи свою дочку...

– Я всегда готов, ваше сиятельство. Машенька! Пойди сюда...

К моему удивлению, Машенька, не смущаясь, подошла к графу и присела церемонно, совсем как взрослая девица.

– Князь! Князь! – крикнул Милорадович известному балетоману Гагарину. – Ты ведь знаешь, наизусть музыку «Калифа». Сыграй-ка, брат, танец Зетюльбы при встрече с Гаруном. Помнишь?

– А зачем? – спросил князь.

– Да вот, видишь, у нас новая танцовщица – Машенька Груздева.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал князь, направляясь к клавесину.

Я чуть не умер от самолюбивого страха. Бедная матушка, вероятно, вполне разделяла тогда мои чувства. Однако Машенька не оскрамила.

Поднявшись на пальчики, пробежала она по зале, как легкая козочка. Ее обнаженные до плеч ручки были нежны и гибки, как стебельки... Я не узнал моей Машеньки. Она как будто совсем изменилась. «Да полно, она ли это? – думал я. – Не сама ли Зетюльба явилась в Петрополь, покинув свою сказочную страну?» Я покосился на графа. Увидев его восхищенное лицо, я понял, что он пленился Машенькой.

– Ну, что вы скажете, ваше сиятельство? – молвил очень серьезно граф. – Надо Машеньку приготовить к сцене...

Батюшка замахал руками.

– Нет, ваше сиятельство, это уж лишнее. Какая уж тут сцена! Пусть подрастет и матери по хозяйству помогать научиться...

Но граф был упрямый человек. На другой день к нашему дому подъехала карета, запряженная четверней, и граф вошел, наполнив всю квартиру своим чревным смехом и бряцанием шпор. Он стал уговаривать моих родителей отдать Машеньку в театральное училище. Долго они отказывались. Матушка даже заплакала. Но граф Милорадович был человек упрямый, а в нетрезвом виде говаривал: «Кто смеет мне перечить! У меня в кармане шестьдесят тысяч штыков». – В самом деле, граф распоряжался петербургским гарнизоном, как хотел – до поры, до времени, впрочем...

II

Судьба Машеньки была решена. По воскресеньям я встречался с нею в нашей квартире в Измайловском полку. Машеньку привозили из училища в огромной рыжей карете, запряженной клячами, а я прибегал из пансиона мосье де-Грассена, куда меня отдали, решив, что по слабости моего здоровья мне нельзя быть военным.

Мне было приятно смотреть на кудри Машеньки, на ее темные нередко широко раскрытые глаза, на ее загадочную улыбку... Я был даже несколько влюблен в мою сестру. А у меня были поводы для настоящей ревности. Машенька рассказала мне, взяв с меня слово, что я буду хранить тайну, как знатные и богатые повесы ухаживают за воспитанницами театрального училища. Ее подруги получали, оказывается, цветы и конфеты от господ офицеров, а когда театральная карета выезжала из училища, настойчивые обожатели преследовали ее – кто в санках, а кто верхом, бросая в окна любовные записки.

Недавно, пока карета стояла у театра, и кучер дремал на козлах, какой-то юный граф забрался в нее и спрятался под сидениями. Машеньки на этот раз в карете не было, но подруги говорили, что это было очень весело и смешно. А я не находил в этом ничего веселого, и Машенька как будто со мною соглашалась. Но на губах у нее блуждала загадочная улыбка, и это меня смущало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.